

О Т З Ы В

о диссертации Цзинь Чжи

«Образ ребёнка в языковом сознании
(на примере разных лингвокультур)»

(Челябинск 2019), представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Диссертационное исследование Цзинь Чжи находится в русле насущных проблем современных лингвистических поисков: исследований этнокультурной специфики языкового сознания современных носителей разных лингвокультур, особенностей русской и китайской лингвокультур, изучение психолингвистических и лингвокультурологических аспектов проблем межкультурной коммуникации.

Как известно, причинами коммуникативных неудач при межкультурном взаимодействии являются не только особенности восприятия «иногo», чуждого, нетипичного для собственной культуры. Полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, не осуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего может быть вызвано и различием в образах сознания предметов и явлений, присутствующих только у представителей одной лингвокультуры или несовпадении образов языкового сознания. В связи с этим диссертационное исследование Цзинь Чжи направлено на решение комплекса задач: определить общее и отличное в образе ребенка у носителей разных национальных лингвокультур на основе проведения комплексного психолингвистического эксперимента с носителями русской и китайской лингвокультуры и анализа данных различных ассоциативных словарей, а также выявить специфику отражения образа ребенка в китайском и русском народном сознании.

Актуальность работы не вызывает сомнения ввиду ее обращенности к изучению совокупности значимых для лингвистики проблем, связанных с причинами коммуникативных неудач при межкультурном взаимодействии, обусловленных различиями в картинах мира собеседников: в диссертации разработана методика анализа образа ребенка, основанная на идее о том, что национально-культурные специфические элементы сознания различными этносами вербализуются по-разному. Привлечение двух языков – русского и китайского – позволяет эксплицировать национально-культурную специфику образа ребенка. Интерпретация конкретных языковых фактов и фольклорных данных, внимание к семантике каждой образной единицы из огромного массива рассмотренных примеров, способствуют комплексному изучению составляющих образов языкового сознания ребенка, которые относятся к базовой системе ценностей любой национальной культуры.

Ученые единодушны в том, что нацию, государство духовно сплавивает культурный код. Неслучайно, В. В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос» говорит о значимости национального культурного кода: «...культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/> (дата обращения:

18.03.2019)]. При этом культурную маркированность, культурную обусловленность ядра языкового сознания нации можно исследовать путем выявления, изучения, описания, по разной терминологии, форм его репрезентации, «овнешвления», вербализации. Одной из таких форм, предстающей в качестве опосредованной языком части образа мира русской и китайской лингвокультуры, является образ ребенка. Все вышесказанное обуславливает несомненную актуальность рецензируемого исследования.

Комплексность подхода к изучению образа ребенка (полипарадигмального – семантического, лингвокультурологического, психолингвистического), реализованного в диссертационной работе, а также скрупулезная работа с компонентами значений всех ассоциаций, полученных на стимулы в ходе ассоциативного эксперимента обуславливает ее **теоретическую значимость**.

В работе осуществлено разностороннее рассмотрение образа ребенка у носителей русского и китайского языкового сознания на основе контрастивного анализа (в том числе на основании данных ассоциативных словарей других, в основном, славянских языков), при этом совокупность логических приемов и методических принципов исследования заявленной проблемы обладает большой эвристической силой: сопоставление образов ребенка у носителей разных лингвокультур позволяет установить как общие закономерности, связывающие ментальные образы с репрезентирующими их языковыми единицами, как и расхождения на этом участке языковой картины мира, обусловленные фокусированием внимания познающего субъекта, принадлежащего к разным культурным традициям, на различных аспектах восприятия маленького человека. Теоретическая значимость исследования проявляется также в аргументированном исследовании выявляемых при этом национально-культурных расхождений.

Научная новизна исследования заключена, в частности, в разработке механизмов выявления образных средств – сравнений и метафор, присутствующих в русском и китайском национальном сознании и входящих в одну семантическую группу, репрезентирующую соответствующую концептуальную область – наименования человека раннего возраста. Несмотря на существование большого количества научных работ, посвященных психолингвистическим аспектам функционирования языка, теории образности, национально-культурной специфике, многие вопросы этой сферы остаются неразрешенными. В этой связи диссертация Цзинь Чжи не только обозначает важные проблемы отображения языковым сознанием значимого для различных лингвокультур образа ребенка, вопросы формирования образной семантики слова, но и включает в себе конкретные методические пути решения различных аспектов данных проблем, позволяющие обобщить специфику вербализации образа ребенка в сознании носителей разных лингвокультур. В работе продемонстрирована перспективность методики анализа пословиц о детях и убедительность этапов типологического анализа народных сказок; введен в научный оборот новый фактический материал – представленные в Приложении к работе сопоставительные данные ассоциативных словарей, сгруппированные по компонентам когнитивно-пропозициональной структуры семантического гештальта.

Объяснительная устремленность диссертационной работы, основанная на применении как традиционных методов семантики (анализа лексических значений, словарных дефиниций, семантических компонентов пословиц и поговорок и др.), так и новейших и традиционных методик психолингвистики (комплексного психолингвистического эксперимента, включающего свободный ассоциативный эксперимент, подбора сравнения и синонимов к слову-стимулу, методики формирования семантического гештальта) обеспечивает методологическую состоятельность работы Цзинь Чжи.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования ее результатов на занятиях по лексикологии, семантике, лексикографии, лингвокультурологии, теории и практике перевода, в преподавании русского как иностранного. Методика топологического анализа сказок, реализованная в диссертации, может послужить основой для составления практических заданий по основам межкультурной коммуникации и другим прикладным разделам лингвистики.

Отдельную практическую ценность представляют Приложения, содержащие китайские пословицы о детях, полные семантические гештальты по данным ассоциативных словарей.

Достоверность результатов исследования обеспечивается достаточно большим объемом языкового материала (1408 реакции на китайском языке, 1347 реакций на русском языке; 100 русских и 124 китайские пословицы о детях, а также 19 русских и китайских сказок о детях), репрезентативностью материала (данные традиционной культуры, результаты собственного психолингвистического эксперимента, сформированные ассоциативные поля к стимулу *ребенок* в 7 ассоциативных словарях на основе разных языков), разнообразием научных источников (174 наименований научных трудов), системным подходом к изучению образа ребенка, использованием адекватных поставленным задачам современных методик исследования, а также интересных и оригинальных авторских научных приемов исследования (например, метода семантического гештальта Ю. Н. Караулова как структуры, которая упорядочивает состав и строение ассоциативного поля).

Структура диссертации соответствует цели, задачам и логике исследования. Сформулированные во введении положения, выносимые на защиту, последовательно доказываются в тексте диссертации. При этом избранная разноаспектная модель анализа материала, положенная в основу диссертации, обуславливает ее структуру.

Первая глава диссертации **«Межкультурная коммуникация как особый вид взаимодействия»** свидетельствует о том, что автору диссертации удалось осмыслить обширную литературу, подчиненную предметному содержанию работы.

Подробно проанализирована этимология понятия «коммуникация» по данным лексикографических и научных источников, как русских, так и иностранных. Выполнен многоаспектный анализ теоретических подходов к определению специфики межкультурной коммуникации, определению универсального и национально-специфического в культуре, зависящее, в первую очередь, от учета разницы в восприятии мира, поскольку у коммуникантов – носителей разных культур, как правило, за словами стоят разные образы разные образы сознания.

Возможно, в ходе теоретического обзора литературы логичнее было бы связать воедино анализируемые теоретические понятия, например, понятие картина мира дается в трех параграфах первой главы, соотносительно с проблемой национальной специфики культурной картины мира, методологического подхода лингвокультурологии и далее – деятельности языкового сознания, а также в части главы, посвященной методам изучения языкового сознания, где обобщается литература, посвященная образу и картине мира.

Автор диссертации обобщает широкий спектр различных лингвистических теорий. Необходимо отметить, что основной заслугой диссертанта является обобщение достижений научной мысли в области психолингвистики, связанных с «ненаблюдаемыми» ментальными механизмами функционирования языкового сознания, со сложной проблематикой теории языкового сознания: так, обосновано описываются достижения научной мысли в области психолингвистики, касающиеся определения сознания в целом как одной из способностей личности формировать и использовать ментальные образы в деятельности и общении, а также определения языкового сознания. Теоретическому анализу подвергаются определение сознания, структуры сознания, функции чувственных образов сознания и предлагаемые в разных научных концепциях модели сознания.

Для практической части работы особенно важен вывод автора о том, что реакции, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, соотносятся как с перцептивным опытом индивида как представителя определенного лингвокультурного сообщества, так и с его рефлексивной практикой, в которой находят отражение результаты самостоятельной мыслительной деятельности человека. При этом язык на основе информации из внешнего мира создает мир внутренних образов языкового сознания.

Представляется, что выделение отдельных параграфов (например, определение коммуникации и межкультурной коммуникации, обобщение целей межкультурной коммуникации, изучение специфики межкультурного общения, культурной картины мира) способствовало бы большей структуризации диссертации и облегчило восприятие ее текста.

Вторая глава работы **«Теория языкового сознания и научные подходы к изучению образа мира»** основана преимущественно на результатах анализа обширной психолингвистической литературы. Итогом теоретических обобщений является выработка с опорой на научные источники собственных определений, значимых для практического исследования, например, автор придерживается определения языкового сознания как «совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, ассоциаций, предложений, текстов и ассоциативных полей».

Особое внимание автор уделяет обоснованию применяемой в диссертации методики анализа материала и связанным с этим широким кругом вопросов от апробации методики семантического гештальта Ю. Н. Караулова, доказательства валидности результатов эксперимента, создания ассоциативных и психолингвистических толковых словарей по результатам экспериментов до сугубо практических вопросов

о том, следует ли учитывать при семантической интерпретации результатов эксперимента единичные реакции.

В третьей главе «**Образ ребенка в языковом сознании современных носителей разных лингвокультур**» приводится лексикографический анализ значений слова *ребенок* в русском и китайском толковых словарях. Но в качестве обобщения хотелось бы увидеть их итоговый сопоставительный содержательный (компонентный) анализ.

Автор выделяет типичные словообразовательные модели, по которым создаются новые слова, обозначающие детей и выражающие стремление к креативности, к примеру: *пупс – пупсик – пупсеныш*; *дитё – дитенок – детёныш*; *пискун – пискунья*; *хлебогрыз – спиногрыз*; *голопон – шилопон*; *ерзунок – ерзунчик*; *ползун – ползунок*; *сосун – сосунок*. К сожалению, подробное словообразовательное описание моделей с определением способа словообразования, словообразовательных средств, специфики эмоционально-оценочных суффиксов отсутствует.

Следует отметить также внимание автора работы к лексемам, обозначающим детей в разных корпоративных культурах, например, особый интерес вызывает первоначальный семантический анализ креативных интенций в номинациях детей младшего возраста в интернет-сообществах так называемых «овуляшек» (*шюляшечки, кесаренок, экошки, годовасик* и др.), а также номинацией детей с различными заболеваниями и особенностями здоровья в корпоративных сообществах медицинских работников (к примеру, *помирашка, сблевыш, щеки* и т.п.). Хотелось бы увидеть более разносторонний анализ данных лексем: не только в аспекте реализуемого креативного потенциала, но и в словообразовательном, семантическом, социолингвистическом плане. Так, даже поверхностный взгляд на подобные лексеммы дает возможность сделать вывод о том, что для женщин, имеющих детей, различные их номинации выражают сугубо положительную оценку, в отличие от номинаций, создаваемых и используемых медицинскими работниками, что отражается как в применении особых словообразовательных суффиксов (*с-блев-ыш* и др.), выражающих отрицательную оценку, так и метафор, основанных на негативном восприятии (*щеки – «о толстом ребенке»*).

По нашему мнению, основная ценность данной практической главы диссертации заключается в выявлении специфических черт образа ребенка в китайском языковом сознании на фоне русского, при этом национально специфические лексеммы и словосочетания выражают необычный для русских модус оценки. Например, юные китайские дети называются *молодые предки*, что необычно для носителей русской лингвокультуры и означает, что детям в Китае достается все самое лучшее как и предкам, поскольку в Китае проповедуется культ старшего поколения, причем это словосочетание как символ поклонения предкам часто используется людьми старшего поколения в качестве порицания младших. Старшие называют мальчиков *臭小子* «вонючими парнями», интересно, что при этом данное словосочетание выражает сугубо положительную оценку (ср. русское слово с отрицательной коннотацией *вонючка* – «1. Тот, кто издает дурной запах. // Тот, кто совершает низменные поступки. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово»).

Яркие особенности национального менталитета проявляются в том, что проведенный автором анализ ассоциативных реакций показывает: в русской лингвокультуре ребенок воспринимается прежде всего как дошкольник, а в китайской лингвокультуре – как школьник; в русской лингвокультуре на первом месте ассоциативная реакция *мамочка*, в китайской – *родители*; в русской культуре оценочные словосочетания *молодой красавчик*, *молодая красавица* нетипичны для характеристики детей и ассоциируются скорее с юношами и девушками; в китайской лингвокультуре важными являются группы реакций «послушание» и «унаследовать», поскольку в Китае главная обязанность детей – послушание и дети с необходимостью должны унаследовать основные ценности предыдущих поколений. Хотелось бы увидеть аргументированное описание культурологического контекста, а не просто констатацию факта о том, что реакции *унаследовать* и *подчиняться* связаны с философией конфуцианства. Непонятно, как конкретно некоторые ассоциации связаны с реальной ситуацией: свидетельствует ли, например, реакция *сухое молоко* в китайском языке и обычное *молоко* в русском о том, что в Китае младенцы находятся преимущественно на искусственном вскармливании и дети обычно пьют сухое молоко. Подробно поясняются причины появления у носителей китайской лингвокультуры частотной реакции *сокровище*, хотя так же частотная реакция *кукла* в русской лингвокультуре не получает лингвокультурологического комментария.

Необходимо особо подчеркнуть значимость осуществленного в диссертации чрезвычайно тщательного и точного семантического анализа черт сходства и отличия образа ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур по данным ассоциативных словарей с убедительным сопоставлением пословных реакции по выявленным автором позициям семантического гештальта, а также обоснованный анализ определенных подгрупп исследуемой лексики.

Конечно, такой подробный, ориентированный на выявление национально-культурной специфики анализ не может быть свободен от незначительных спорных моментов. Так, как и многие другие исследователи, автор отмечает, что для русского сознания важна персонификация, выраженная в различных вариантах сокращенных русских личных имен, которые являются реакциями, полученными в ходе психолингвистического эксперимента (например, *Валя*, *Аленкина дочь*, *Дима*, *Димка*, *Ира*, *Иринка*, *Митька*, *Саша*, *Димочка*, *Маша* и др.), сопоставляя их с аналогичными реакциями во французском, к примеру *Toto*, *Piaf* (Пиаф), и в немецком – *Paolo* (Паоло) ассоциативных словарях. Представляется, что ассоциативная реакция *Piaf* (Пиаф) у носителей французской лингвокультуры не просто распространенное уменьшительное имя, но прежде всего прецедентное имя французской культуры, поскольку, как известно, когда певица Эдит Пиаф выступала в кабаре «Жернис», на афишах ее имя было напечатано как «Малышка Пиаф».

Некоторые выводы автора вообще не поясняются в диссертации, так, отличие в ассоциативных реакций по позиции семантического гештальта КАКОЙ: то, что для большинства славянских лингвокультур важна принадлежность ребенка – не объясняется и не раскрывается в примерах.

Выявление в результате проведенного опроса метафорических образов позволяет автору подробно и аргументировано изучить образы, связанные с ребенком и представленные в наивном языковом сознании носителей разных культур.

В качестве обладающих этнокультурной спецификой в китайской культуре выявлены как очевидные для представителей русской культуры метафоры, например, образы *панды* (которых китайцы считают одними из самых благородных животных и символом Китая), *дельфина* (поскольку дельфины для китайцев ловкие и послушные), так и образы, имеющие другие ассоциации в русской культуре, например, образ *жаворонка* (по отношению к подвижному, счастливому, умному и сообразительному ребенку, в отличие от русской лингвокультуры, где жаворонком называют рано просыпающегося человека), образ *павлина* (для китайцев – добрый, свободный, приносящий счастье, для русских – надменный и чванливый). Интересно наблюдение автора о том, что современные китайцы убеждены: если использовать эти номинации детей как ласкательные при обращении к детям, то дети будут себя хорошо вести, что свидетельствует о сохранении мифологической функции языка при использовании данных лексем.

В четвертой главе «**Образ ребенка в традиционном языковом сознании (на примере пословиц и народных сказок)**» следует отметить объем анализируемого материала, точное выделение ядерных смысловых признаков как сходных, так и различных в двух лингвокультурах, хотя некоторые выводы автора так и остаются декларативными. Например, не объясняется, как китайская пословица *Верная жена лучше, чем полон дом детей* противоречит русскому менталитету.

Высоко оценивая проведенное исследование, сформулируем несколько вопросов, возникших при чтении работы и требующих отдельного комментария.

1. Почему в качестве компонентов семантического гештальта выбраны операторы КТО, ЧТО, ГДЕ, а не субъект, предикат, объект, место и т.п.?

2. Почему, на ваш взгляд, в реакциях носителей русской лингвокультуры, в отличие от китайской, большое место занимают вещи, которые окружают ребенка (*подгузники, коляска, кровать* и т.п.)?

Высказанные вопросы и замечания несколько не снижают научную и практическую ценность анализируемой диссертации, поскольку свидетельствуют прежде всего о том, что исследование Цзинь Чжи служит хорошим источником для дальнейших научных изысканий.

Характеризуя работу в целом, стоит отметить тонкость лингвистической интерпретации языковых фактов, фиксацию семантических нюансов значений, глубину общих выводов, сделанных диссертантом, особенно это касается главного вывода о том, что образ ребенка, сложившийся в языковом сознании носителей различных лингвокультур, имеет сходства, обусловленные совпадающими перцептивными данными, ролью ребенка в жизни социума, и отличия, связанные прежде всего с культурными традициями и обычаями.

Автореферат и публикации (включая и помещенные в изданиях ВАК РФ) с достаточной полнотой отражают содержание диссертации.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Образ ребёнка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур)» представляет собой научно-

квалификационную работу, в которой дан комплексный анализ данных психолингвистического эксперимента и намечаются пути решения проблемы, связанной с национально-культурной спецификой образа ребенка.

Диссертационное исследование Цзинь Чжи полностью соответствует пп. 9–11 и всем требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней». Автор диссертации Цзинь Чжи заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доцент кафедры фундаментальной
и прикладной лингвистики и текстоведения
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»,
кандидат филологических наук
(10.02.01 – русский язык), доцент

Ирина Константиновна Мухина

Почтовый адрес: 620002 г. Екатеринбург
ул. Мира, 19, тел. (343)389-94-15
e-mail: i.k.mukhina@urfu.ru
01.04.2019

Подпись И.К. Мухиной

Заверяю

Начальник отдела
документационного обеспечения
управления
Вихренко Т.Е.